Случай.

(Съ натуры.)

Сегодня выдался на особицу трудный день: много больныхъ, масса недоразумѣній съ подчиненными... Сумерки. Я прилегъ отдохнуть... Грезится: представляется тихій осенній вечеръ, бодрящій звонкій воздухъ... Мы съ сосѣдомъ Б. стоимъ на опушкѣ болота, поросшаго ельникомъ и мелкимъ березнякомъ... Слухъ напряженъ... Но вотъ взлаиваетъ Дамка, къ ней присоединяется Мартынъ, и начинается чудный, взвинчивающій нервы, гонъ... Заяцъ или лисица?.. — «Баринъ, вамъ письмо»... Оглядываюсь, горничная подаетъ сѣрый пакетъ... Что это, вызовъ къ больному? Нѣтъ, письмо отъ Б. Неужели завтра зоветъ на охоту съ гончаками? Читаю: «Вчера я отправился на охоту съ гончими въ 6 ч. у. Погода была мягкая, а трава влажная, поэтому ожидался прекрасный гонъ. Таковъ онъ и былъ: гончіе творили чудеса! Въ Карякинскомъ лѣсу застрѣлилъ зайца и подстрѣлилъ тетерева. Онъ упалъ шаговъ за двѣсти. Слѣдуя за двумя зайцами, гончіе набѣжали на тетерева и разорвали его вклочья. Разумѣется, получили трепку. Пошли къ Ходыревскому лѣсу (въ концѣ Ожеговскаго пруда). На полѣ бродили овцы. Всеконечно мы не выдержали характера. Маленькій бѣлый барашекъ, какъ воробей отъ ястреба, бросился ко мнѣ. Облитый кровью, съ тяжелымъ дыханіемъ, онъ легъ шагахъ въ пятнадцати отъ меня, спокойно, словно для отдыха, а мои «звѣри» терзали его лежачаго. Мои вопли, отчаянные до хрипоты, топотаніе ногами по землѣ и грозный взмахъ ружья ни къ

чѣму не привели: мои воспитанники уже погружали острые зубы въ живое мясо. Бух!.. Первой кувыркнулась Дамка, безъ малѣйшаго стона, какъ подкошенная трава. Бухъ!.. Мартынъ опрокинулся на спину и старался упереться ногами въ небо и такъ скулилъ, такъ вылъ, что у меня похолодѣлъ затылокъ и будто зашевелилась на головѣ шапка. Крупными шагами я приблизился къ нему, чтобы прикончить, а онъ, упершись передними ногами въ землю, заюлилъ и хвостомъ и всѣмъ туловищемъ, заморгалъ глазами, вращалъ носомъ въ обѣ стороны и заплакалъ, такъ заплакалъ... прямо-таки по-человѣчески. Я опустился на землю и впалъ въ глубокій обморокъ. Очнувшись, я увидѣлъ страшную картину: Мартынъ лизалъ мою руку; барашекъ лежалъ тутъ же; насъ обступила компанія изъ десятка коровъ, которыя вылизывали барашка, какъ облизываетъ мать новорожденнаго телёнка. Одна корова лизнула и меня, Каина, въ ухо. Было нестерпимо тяжело видѣть состраданіе и страданіе у животныхъ, а сознаніе того, что каждый изъ присутствовавшихъ филантроповъ когда-нибудь пойдетъ подъ ножъ и проклянетъ небо, еще болѣе усугубляло тягость настроенія, слишкомъ непосильную для слабыхъ нервовъ. Подозрѣніе въ солидарности всей компаніи моихъ добрыхъ судей-свидѣтелей еще больше давило слабую волю. Вспомнилось почему-то: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!» О, муки ада!... Убійца рыдалъ долго, тяжело... Мартына пришлось прикончить. До сихъ поръ чувствую боль во всѣхъ мышцахъ, какъ бы битыхъ палкою. Настроеніе, хуже котораго не бываетъ. Наказаніе за преступленіе».

Письмо ошеломило меня... Мечты были жестоко разбиты. Первой мыслью моей было принять мѣры къ успокоенію добрѣйшаго, отзывчиваго, но измятаго жизнью Б.

И. Евфратовъ.